

УДК 159.923

ЭТИКА CONTRA ИДЕОЛОГИЯ: ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ**ETHICS CONTRA IDEOLOGY: THE EXPERIENCE OF SOVIET PHILOSOPHY****А.В. Ляхов****A.V. Lyahov**

Воронежский государственный университет, Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
Voronezh State university, 1 University Square, Voronezh, 394006, Russia

E-mail: ier-andrey.phyus@yandex.ru

Ключевые слова: этика, философия, идеология, советская культура, человек, экзистенциальная рефлексия.
Key words: Ethics, philosophy, ideology, Soviet culture, human being, existential reflection.

Аннотация. В статье анализируется «этический субстрат» советской философии, который менее всего был подвергнут диктату официальной идеологии, сохранив универсальные духовные принципы. В качестве примера берутся воззрения Г. С. Батищева, Н. Н. Трубникова, А. Н. Чанышева, на основании чего делается вывод о том, что этический дискурс советской неофициальной философии сохранил преемственность с традициями отечественной нравственной философии. Неидеологическая этика дала образец экзистенциальной рефлексии над фундаментальными смыслами человеческого бытия.

Resume. The article analyzes the "ethical substratum" of Soviet philosophy, which is less likely been subjected to the dictates of the official ideology, maintaining universal spiritual principles. As an example, taken the views of G.S. Batishchev, N.N. Trubnikov, A.N. Chanishev, on what basis it is concluded that the ethical discourse of Soviet unofficial philosophy has kept continuity with the traditions of Russian moral philosophy. Nonideological Ethics gave a sample of existential reflection on the fundamental meaning of human existence.

Советская культура вызывает сегодня значительный исследовательский интерес. Многие стереотипы относительно советской идеологии сами становятся идеологиями. Во многом это объясняется изменением исследовательской стратегии советского прошлого. Современный взгляд на опыт прошлых культурных эпох отличается большей открытостью, стремлением объективно оценить «темные» моменты истории. В этом контексте представляется важным выявление «фундаментальных параметров» советской культуры, имеющих перспективу развития в современной России. Общее изменение этой исследовательской стратегии фиксируют Н. А. Купина и О. А. Михайлова в предисловии к монографии «Советское прошлое и культура настоящего»: «Если для 1990-х годов прошлого века были характерны прямые идеологические, языковые поведенческие, эстетические конфронтации с советским опытом, примеривание альтернативных моделей, то в 2000-х годах происходит более сложное взаимодействие новых общественных и идеологических структур. ...Российская культура новейшего времени формируется на фоне рефлексивного переосмысления традиционной русской культуры, советского наследия и активного освоения ценностей западного мира» [Советское прошлое и культура..., 7].

Явная конфронтация с советским опытом соседствует с его недооценкой. Особенно это касается философии и культуры. Говоря о Серебряном Веке, С. С. Хоружий пишет, что «...этот мир талантлив и ярк, увлекателен и красив, и особенно – в сравнении с тем, что в России пришло на смену» [Хоружий, 25]. Думается, что известный исследователь исихастской традиции не совсем справедлив по отношению к советскому периоду советской истории и культуры, и в нем также было много «талантливое и яркое, увлекательное и красивое». Нужно конечно согласиться с тем, что идеологизация науки, философии и культуры в советский период достигала невероятных масштабов. Порой, казалось, что уходит элементарный здравый смысл, уступая место идеологическим штампам и конструктам. Особенно гуманитарные науки повергались сильной идеологизации: «Все гуманитарии – от лингвистов до философов – должны были вырабатывать методологические принципы своих научных дисциплин на основе марксизма-ленинизма и делали это под бременем официальных решений и постановлений выраженного политического характера» [Блажес, 221].

При этом необходимо учитывать, что данный процесс не является исключительно отечественным феноменом; он вписывается в логику *инструменталистской позиции*, сформировавшейся в общеевропейской ситуации вмешательства государственной власти в дела науки в XIX – XX вв. З. А. Сокулер отмечает: «Устанавливается утилитаристски-прагматическое представление об истине. От развития научного познания ожидают пользы, прежде всего – для укрепления военной мощи государства» [Сокулер, 168].

Можно согласиться с исследователем, что структура государственной идеологии во многом была подчинена милитаристским целям, что не исключало внутренних, сугубо идеологических установок на создание нового общества и нового человека. Этот процесс был тщательно изучен в последнее время. Особенно примечательная фигура Андрея Платонова, который наиболее сильно выразил идею нового общества, используя литературно-художественный метод. Можно сказать, что писатель также находился под действием идеологии, но его художественный мир отнюдь не бледен и не интересен, и совершенно не проигрывает по сравнению с эстетическими достижениями Серебряного века.

Нам хотелось бы выявить такой субстрат философской культуры советского периода, который не подчинился, по крайней мере, менее всего подчинился диктату официальной идеологии, сохранив универсальные духовные принципы, сохранив, тем самым духовную преемственность со всей предшествующей отечественной культурной традицией.

В качестве такого «субстрата» мы выделяем «этический дискурс» советской философии, который естественно не совпадал с марксистско-ленинской этикой. Здесь обнаруживается интересный парадокс советской этики, о котором В. В. Варава пишет следующее: «Основной парадокс советской этики заключается в том, что именно этика была наиболее сильным проводником марксистско-ленинской идеологии, задававшей основополагающую матрицу коммунистического воспитания личности. И нельзя сказать, что такая личность не состоялась. С другой стороны, именно этика, которая отошла в сторону от официальной идеологии, смогла в большей степени, чем другие разделы философии передать подлинные смыслы и ценности философии как таковой» [Варава, 122].

Официальная этика, безусловно, являлась наиболее мощным инструментом идеологической пропаганды. Философия в своей целостности была подвергнута в советскую эпоху сильным деформациям. Если смотреть на этику как на дисциплинарную часть философии, то есть как на часть, которая занималась обслуживанием идеологии в советский период, то, такой вариант этики вряд ли может отразить все многообразие духовных связей, образующих целостность культурного бытия.

Современный исследователь русской этики В. Н. Назарова выделяет следующие официально проявленные направления этической мысли в 60-80 гг.: «этический концептуализм» О. Г. Дробницкого, «нормативный структурализм» А. И. Титаренко, «этический неоспинозизм» А. Я. Мильнера-Иригина, «этоника и моралеведение», этика генетического альтруизма В. П. Эфроимсона, «этический натурализм» (Д. П. Филатов, А. А. Любищев, С. В. Мейен), «этика экзистенциального эгоизма» А. А. Зиновьева [Назаров, 224-265].

Эти направления при всей их авторитетности и значимости, все же не в полной мере выразили глубину и своеобразие нравственной рефлексии, которой отмечена неофициальная этика советского периода. Однако, нужно сказать, что и в официальных курсах этики были темы, которые для любого мыслящего человека были сигналом для самостоятельного размышления. Так, обязательно в общей структуре марксистско-ленинской этики наличествовали такие разделы как «Смысл жизни, идеал, счастье», «Страдания, смерть и бессмертие». Безотносительно к тому, каким идеологическим содержанием наполнялись данные темы, важна была сама постановка этих вопросов. И здесь проявляется двойственность и советской этики и советской культуры как таковой.

Во многом это связано с тем, что этика является одновременно наиболее сильным идеологическим инструментом, и в то же время, именно этика сильнее всего препятствует идеологизации, стремясь выразить наиболее универсальные ценности человеческой культуры. Здесь можно сослаться на А. Швейцера, максимально сблизившего этику и культуру. Примечательны идеи мыслителя, считавшего, что *этическое* является «конституирующим началом культуры», поскольку содержит в себе и подлинное рациональное начало, и идеалы [Швейцер, 65]. В этом смысле только этика может создать прочный фундамент для создания нормальных взаимоотношений с действительностью вопреки всем идеологическим наслоениям времени.

Идеи А. Швейцера получили достаточное подтверждение в истории философии и культуры. Этика, пожалуй, является наиболее инвариантным и универсальным элементом культуры. Универсальность этического коренится в «этосе», который, как показала Е. Анчел, имеет общечеловеческий характер, поскольку содержит в себе *традиции человеческой общности*, имеющие исторически неизменное содержание. Сила этоса как нравственного миропорядка в том, что он, даже в скрытом виде продолжает властвовать и управлять и невозможно прекратить ни его существование, ни его деятельность. Выявляя этос в его невидимом, скрытом состоянии, философ пишет: «...предполагается, что существует нечто большее, чем мораль всех времен, что это «нечто», потенциально заложено в каждом человеке. Другими словами, предполагается, что в каждом человеке, в людях вообще изначально задана возможность этоса» [Анчел, 16].

Универсальный характер этических ценностей объясняется еще и тем, что именно этика формирует то, без чего невозможна никакая социальная организация, поскольку «традиции человеческой общности» образуют основу социального как такового. Этика формирует систему ценностей и

идеалов, являющихся первоэлементами социального бытия. И в этом смысле, идеология ориентируется на этику, в тоже время именно в ней находит свое поражение.

Этика, таким образом, обладает способностью синтезировать различные элементы культуры, образующие в конечном счете ее ценностно-смысловое единство, ее дух и стиль. В этом смысле постичь своеобразие советской культуры значит реконструировать ее этический пласт. Свообразие отечественной этики, по словам В. Н. Назарова: «выразилось, прежде всего, в ее глубинной *мировоззренческой ориентированности*. Речь идет не просто о морально-ценностном начале, присущем различным типам мировоззрений, в особенности религиозно окрашенным, но о фундаментальной укорененности этики в системе мировоззрения» [Назаров, 8].

Каким же образом этический дискурс советской философии противостоял дискурсу власти официальной идеологии? Для этого найти общее с предшествующей религиозно-философской традицией. Сложность здесь в том, что досоветский период преимущественно религиозен, в то время как советский – явно атеистичен. Несмотря на это, можно обнаружить общие фундаментальные экзистенциальные смыслы, присущие обоим периодам. Хранителем и носителем этих экзистенциальных смыслов является этика.

Обратимся к некоторым, с нашей точки зрения, наиболее характерным примерам. В работах Г. С. Батищева представлена фундаментальная философская рефлексия над предельными смыслами жизни и смерти. Этическая доминанта прорывается через груз идеологических напластований. Философ обращается к теме «духовной смерти» как «эгоистической самопотери» личности. Диалектика творчества апеллирует к наиболее мировоззренчески ответственным категориям, которые определяют достойное место человека во Вселенной. Этим местом оказывается «вовсе не некое неподвижной *Точкой*, не Вершиной, но незавершимым *путем* вглубь неисчерпаемой и беспредельной своими богатствами объективной диалектики, царящей во всей Вселенной» [Батищев, 122].

Эта принципиальная открытость и незавершенность человека, взывающая к его непрерывному нравственному росту и самосовершенствованию, противостоит догматической окончательности идеологической доктрины.

Особое место принадлежит работе Н. Н. Трубникова «Притча о Белом Ките». Это эссе – образец высочайшей экзистенциальной рефлексии. Очень важно, что философу свойственна острая экзистенциальная напряженность над смертью: «наша собственная смерть ... ставит нас перед проблемой, труднее и главнее которой для нас быть не может» [Трубников, 64].

Такая постановка вопроса явно противоречит официальной идеологии, для которой смерть вовсе не проблема. Здесь же мы видим явное заострение духовной проблематики и попытку вернуть теме смертного человека ее исконный философский статус. Это соответствует общей этикоцентричной направленности русской мысли, которая всегда остро ставило проблему человеческого смерти.

В этом контексте представляют интерес философские построения А. Н. Чанышева, изложенные в его «Трактате о небытии», которые казались бы вписываются в «диалектический дискурс» диалектике бытия и небытия, в тоже время явно выходят за его пределы, поскольку в пространство неумолимых диалектических законов попадает живой конкретный человек. Поэтому возникают такие ощущения: «Небытие повсюду и всегда: в дыхании, в пении соловья, в лепете ребенка ... Оно – сама жизнь!» [Чанышев, 162]. «Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не понимая» – таковы заключительные слова этого с своей сути апофатического трактата, который находится вне всякой связи с официальной идеологией. Здесь возникает ощущение философской тайны, пронизывающей человеческое бытие, которые далеко выходит за всякие идеологические конструкции.

Говоря о философии советского периода, очевидно, необходимо выделять две этики – этику официальную и проекции этики в культуре. Тема пребывания человека в бытии, сопровождаемая острой смысловозженной рефлексией, вызванной конечностью человеческого существования, такова этическая установка отечественной философии, в полной мере проявившаяся и в советский период, сохранившей преемственность и целостность отечественной культуры как таковой. «Этический дискурс советской культуры, проявившейся в экзистенциальной рефлексии над темой о человеке, – отмечает В. В. Варава, – сохраняет преемственность с традициями отечественной нравственной философии, которая религиозно осмыслила человека во всей полноте и глубине. Идеология официального атеизма парадоксальным образом способствовала углублению этической рефлексии над человеческим существованием, которое, оказавшись лишеным религиозной санкции и поддержки, вынуждено было обрести подлинное нравственное достоинство из глубин самого бытия» [Варава, 19].

Таким образом, представленные философские идеи Г. С. Батищева, Н. Н. Трубникова, А. Н. Чанышева являются наиболее показательными, поскольку в них осуществляется связь с предшествующей традицией нравственно-религиозных исканий. Эти воззрения далеко не единичным. Многие философы советского периода (В. Н. Шердаков, Н. Д. Зотов-Матвеев, В. П. Фетисов и др.) в своих построениях не следовали официальным установкам идеологии, но стремились сохранить подлинный

нравственный импульс философии как таковой. Это подтверждает мысль, что этика как определяющая установка отечественной философии развивалась и благодаря и вопреки существующим идеологическим канонам, способствуя сохранению наиболее важных духовных тем о человеке и его бытии.

Список литературы References

1. Анчел Е. Этнос и история. – М.: Мысль, 1988. – 126 с.
Anchel Ye. Etos i istoriya. – M.: Mysl', 1988. – 126 s.
2. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб.: РХГИ, 1997. – 464 с.
Batishchev G.S. Vvedeniye v dialektiku tvorchestva. – SPb.: RKhGI, 1997. – 464 s.
3. Блажес В.В. Советская идеология и фольклор // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. ВГУ. Воронеж: ВГУ, 2010. Вып. 11. – С. 220-235.
Blazhes V.V. Sovetskaya ideologiya i fol'klor // Vestnik nauchnoy sessii fakul'teta filosofii i psikhologii. VGU. Voronezh: VGU, 2010. Vyp. 11. – S. 220-235.
4. Варава В.В. Этический дискурс советской культуры и вопрос о ценностно-смысловом единстве отечественной философии // Советское прошлое и культура настоящего: монография : в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. – С. 15-20.
Varava V.V. Eticheskiy diskurs sovetskoj kul'tury i vopros o tsennostno-smyslovom yedinstve otechestvennoy filosofii // Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: monografiya : v 2 t. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. T. 1. – S. 15-20
5. Варава В.В. Парадоксы советской этики // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. ВГУ. Воронеж: ВГУ, 2010. Вып. 11. – С. 118-123.
Varava V.V. Paradoksy sovetskoj etiki // Vestnik nauchnoy sessii fakul'teta filosofii i psikhologii. VGU. Voronezh: VGU, 2010. Vyp. 11. – S. 118-123.
6. Назаров В.Н. История русской этики. – М.: Гардарики, 2006. – 319 с.
Nazarov V.N. Istoriya russkoj etiki. – M.: Gardariki, 2006. – 319 s.
7. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001. – 240 с.
Sokuler Z.A. Znaniye i vlast': nauka v obshchestve moderna. – SPb.: RKhGI, 2001. – 240 s.
8. Советское прошлое и культура настоящего: монография : в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. – 244 с.
Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: monografiya : v 2 t. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. T. 1. – 244 s.
9. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти / Н.Н. Трубников. – М.: РОССПЭН, 1996. – 383 с.
Trubnikov N.N. O smysle zhizni i smerti / N.N. Trubnikov. – M.: ROSSPEN, 1996. – 383 s.
10. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Издательский дом «Парад», 2005. – 448 с.
Khoruzhiy S.S. Opyty iz russkoj dukhovnoy traditsii. M.: Izdatel'skiy dom «Parad», 2005. – 448 s.
11. Чанышев А.Н. Трактат о небытии / А.Н. Чанышев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 158-166.
Chanyshev A.N. Traktat o nebytii / A.N. Chanyshev // Voprosy filosofii. – 1990. – № 4. – S. 158-166.
12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
Shveytser A. Blagogoveniye pered zhizn'yu. – M.: Progress, 1992. – 576 s.